

СЛАВОЙ ЖИЖЕК

Война в Ираке:

в чем заключается подлинная опасность?

Все мы помним старый анекдот о взятом займы чайнике, который Фрейд приводит для того, чтобы передать удивительную логику сновидений, то есть перечисление взаимоисключающих ответов на упрек (в том, что я вернул испорченный чайник): (1) я никогда не брал у вас чайника; (2) я вернул его вам целым; (3) чайник был уже испорчен, когда я взял его у вас. Для Фрейда такое перечисление противоречивых доводов, разумеется, доказывает *per negationem* то, что пытаются отрицать — что я вернул вам испорченный чайник... Не сталкиваемся ли мы с такой же непоследовательностью, когда высокопоставленные американские чиновники пытаются оправдать нападение на Ирак? (1) Режим Саддама и Аль-Каида связаны между собой, поэтому Саддам должен быть наказан в отместку за 11 сентября; (2) даже если никакой связи между иракским режимом и Аль-Каидой нет, они вместе ненавидят США — режим Саддама — это очень плохой режим, он угрожает не только США, но и своим соседям, и мы должны освободить иракский народ; (3) смена режима в Ираке создаст условия для решения палестино-израильского конфликта. Сложность заключается в том, что для нападения есть *слишком много* причин... Кроме того, возникает соблазн утверждать, что в рамках этого обращения к логике сновидений иракская нефть играет роль известной «пуповины» оправданий США — возникает даже соблазн, так как это, возможно, было бы более разумно, заявить, что есть также три *реальные* причины для нападения: (1) контроль над иракскими нефтяными запасами; (2) настоятельная необходимость в грубой манере показать и доказать безусловную гегемонию США; (3) «искренняя» идеологическая вера в то, что США приносят другим народам демократию и процветание. И все обстоит так, как если бы три эти «реальные» причины были «истиной» трех официальных причин: (1) истины необходимости освободить иракцев; (2) истины утверждения, что нападение на Ирак поможет разрешить ближневосточный конфликт; (3) истины утверждения о том, что есть связь между Ираком и Аль-Каидой. — И, кстати, создается впечатление, что противники войны повторяют ту же противоречивую логику: (1) Саддам на самом деле плохой, мы тоже хотим видеть его свергнутым, но мы должны дать больше времени

инспекторам, потому что инспекторы более эффективны; (2) все дело в контроле над нефтью и американской гегемонии — настоящим государством-негодяем (*rogue state*), которое терроризирует других, являются сами США; (3) даже в случае успеха нападение на Ирак послужит хорошей основой для новой волны антиамериканского терроризма; (4) Саддам — убийца и мучитель, его режим — преступная катастрофа, но нападение на Ирак для свержения Саддама обойдется слишком дорого...

Один неплохой довод в пользу войны выдвинул недавно Кристофер Хитченс: нельзя забывать, что большинство иракцев действительно являются жертвами Саддама, и они действительно с радостью от него бы избавились. Он был такой катастрофой для своей страны, что американская оккупация в *любой* форме куда более для них привлекательна в том, что касается повседневного выживания, и вызывает значительно меньшие опасения. Мы говорим здесь не о «принесении западной демократии в Ирак», а только лишь об избавлении от кошмара по имени Саддам. Этому большинству опасения, высказываемые западными либералами, не могут не показаться глубоко лицемерными — так ли уж они озабочены тем, что чувствует иракский народ?

Здесь можно сделать еще более общее замечание: как насчет прокастровских западных левых, которые презирают тех, кого сами кубинцы называют «гусанос (черви)», тех, кто эмигрировал — но при всей симпатии к кубинской революции, какое право имеет типичный представитель среднего класса с левыми убеждениями презирать кубинца, который решил покинуть Кубу не только из-за политического разочарования, но и из-за бедности, которая доходит до элементарного голода? Я и сам помню, как в начале 1990-х годов в той же манере многие западные левые заносчиво бросали мне в лицо, что для них Югославия по-прежнему существует, и упрекали меня в предательстве уникальной возможности сохранить Югославию, на что я всегда отвечал, что я пока не готов жить таким образом, чтобы не обманывать мечты западных левых... На самом деле есть некоторые вещи, более достойные презрения, некоторые установки, более *идеологические* (если это слово имеет сегодня какой-то смысл, то самое место употребить его здесь), чем представления имеющих штатные должности западных университетских левых, выскомерно отворачивающихся (или — даже хуже — «понимающе» похлопывающих по плечу) от восточного европейца из коммунистической страны, который тянется к либеральной демократии и каким-то потребительским благам... Однако от этого очень легко перейти к представлению о том, что «в глубине души иракцы ничем не отличаются от нас и на самом деле хотят того, что делаем мы». Старая история повторяется: Америка несет людям новую надежду и демократию, но вместо того, чтобы встречать американскую армию приветственными криками, неблагодарные люди делают то, что им хочется, они подозревают, что за этим подарком стоит что-то еще, а Америка затем отвечает как ребенок, обиженный неблагодарностью тех, кому она бескорыстно помогала.

Базовая посылка остается прежней: поскрести нас, и все мы окажемся американцами, таково наше истинное желание — поэтому нужно только дать людям шанс, освободить их от навязанных им ограничений, и они разделят с нами нашу идеологическую мечту... Неудивительно, что в феврале

2003 года член палаты представителей Конгресса США использовал словосочетание «капиталистическая революция» для описания того, чем сейчас занимаются американцы: они экспортируют свою революцию на весь мир. Неудивительно, что они перешли от «сдерживания» врага к более агрессивной позиции. Именно США теперь, как и десятилетиями ранее не существовавший ныне СССР, являются агентом мировой революции. Когда Буш недавно заявил, что «свобода — это не дар Америки другим народам, это дар Бога всему человечеству», то эта мнимая скромность в лучших тоталитарных традициях скрывала собственную противоположность: да, *но* именно США считают себя избранным инструментом распространения этого дара среди народов мира!

Идея о том, чтобы «повторить Японию 1945 года», принести демократию в Ирак, который затем послужит моделью для всего арабского мира, позволив народам избавиться от прогнивших режимов, тотчас же наталкивается на непреодолимое препятствие: как насчет Саудовской Аравии, которая именно в жизненных интересах Соединенных Штатов *не* должна стать демократией? Следствием демократии в Саудовской Аравии стало бы или повторение Ирана 1953 года (популистский режим с антиимпериалистическим уклоном), или Алжир двухлетней давности, когда «фундаменталисты» *победили* в ходе свободных выборов.

Однако в иронических выпадах Рамсфельда против «старой Европы» есть зерно истины. Совместное сопротивление Франции и Германии политике США в отношении Ирака следует рассматривать на фоне франко-германского совещания на высшем уровне, прошедшего месяц назад, в ходе которого Ширак и Шредер по сути предложили своего рода двойственную франко-германскую гегемонию над Европейским сообществом. Поэтому неудивительно, что этот антиамериканизм наиболее силен у «больших» европейских наций, особенно во Франции и Германии: это часть их сопротивления глобализации. Часто слышны жалобы о том, что недавняя тенденция глобализации угрожает суверенитету национальных государств. Однако следует уточнить эту формулировку: *какие* страны более всего подвергаются этой угрозе? Это не небольшие государства, а мировые державы второго ранга, вроде Великобритании, Германии и Франции: они боятся того, что их поглотит возникающая глобальная Империя, что они превратятся в страны, вроде Австрии, Бельгии или Люксембурга. Неприязнь к «американизации» во Франции, разделяемая правыми националистами и многими левыми, означает, в конечном счете, отказ от признания того факта, что Франция сама теряет ведущую роль в Европе. Уравнивание веса больших и малых национальных государств, таким образом, может рассматриваться среди выгодных последствий глобализации: за высокомерным высмеиванием новых восточноевропейских посткоммунистических государств легко различить контуры задетого нарциссизма европейских «великих наций». И этот великодержавный национализм не просто черта, внешняя по отношению к (провалу) сегодняшней оппозиции; он влияет на то, как Франция и Германия формулируют эту оппозицию. Вместо того чтобы заниматься — еще более активно — тем, чем занимаются американцы — *мобилизуя* «новые европейские» государства на собственной военно-политической платформе, *органи-*

зья новый всеобщий фронт, — Франция и Германия высокомерно действовали в одиночку.

В недавнем французском сопротивлении войне в Ираке определенно присутствует явный отголосок «старой упаднической» Европы: уйдем от проблем, не предпринимая никаких действий, подготавливая резолюцию за резолюцией — все это напоминает бездеятельность Лиги наций в отношении Германии в 1930-х годах. И пацифистский призыв «позволить инспекторам делать свою работу» — это явное лицемерие: им потому и позволяют делать свою работу, что существует весьма вероятная угроза военного вмешательства. И стоит ли говорить о французском неокOLONIALИЗМЕ в Африке (от Конго-Бразавиля до неясной роли Франции во время кризиса и бойни в Руанде)? А как насчет роли Франции в боснийской войне? Кроме того, как стало понятно пару месяцев назад, разве не очевидно, что Франция и Германия озабочены своей гегемонией в Европе? И разве не символично, что сразу же после начала войны в Ираке та же Европа, что выступала против нее (Франция и Германия), заняла позицию: «Ладно, теперь, когда война уже идет, перейдем к следующей теме — послевоенной реконструкции Ирака», словно говоря: «мы исполнили свой формальный долг и выразили протест, теперь займемся делом!» (Не говоря уже о совершенно *расистских* выпадах Ширака против посткоммунистических стран Восточной Европы, которые поддержали США в войне с Ираком). Но когда недавно все начали жаловаться на то, что европейское сопротивление США было слабым и непоследовательным, что Европа потерпела провал, пытаясь заявить о себе как об автономном политическом участнике, то не является ли осознание провала само по себе положительным знаком? Разве оно — от противного — не свидетельствует о том, что Европа явно ощущает потребность в самоутверждении, что она воспринимает его нехватку как провал?

Не является ли война в Ираке моментом истины, когда размываются «формальные» политические различия? Вообще, мы живем в перевернутом вверх дном мире, в котором республиканцы легко тратят деньги, создавая рекордный дефицит бюджета, тогда как демократы на практике соблюдают бюджетное равновесие; в котором республиканцы, гневно обличающие большое правительство и проповедующие передачу власти штатам и местным общинам, участвуют в процессе создания мощнейшего государственного механизма контроля во всей истории человечества. И то же относится к странам бывшего коммунизма. Симптоматичен здесь случай Польши: самый горячий сторонник политики США в Польше — бывший коммунист, президент Квасьневский (которого даже прочат в секретари НАТО после Джорджа Робертсона), тогда как главную оппозицию участию Польши в антииракской коалиции составляют правые партии. В конце января 2003 года польские епископы также потребовали от правительства, чтобы оно добавило в соглашение, регулирующее членство Польши в ЕС, особый пункт, гарантирующий, что Польша «оставит за собой право следовать своим основополагающим ценностям, как они сформулированы в ее конституции», что, конечно же, означает запрет аборт, эвтаназии и однополых браков.

Сами страны бывшего коммунизма, которые являются самыми горячими сторонниками американской «войны с террором», глубоко обеспокоены тем,

что их культурной идентичности, самому их национальному выживанию угрожает бешеная атака культурной «американизации» — цена погружения в глобальный капитализм. Мы, таким образом, являемся свидетелями парадокса пробушевского антиамериканизма. В Словении, моей собственной стране, наблюдается та же непоследовательность: правые националисты упрекают правящую левоцентристскую коалицию в том, что, хотя она публично примкнула к НАТО и поддерживает антитеррористическую кампанию США, втайне она все это саботирует, принимая участие по причинам оппортунистического характера, а не из убеждений. Однако в то же самое время они упрекают правящую коалицию в том, что она хочет подорвать словенскую национальную идентичность, отставив полную интеграцию Словении в вестернизированный глобальный капитализм и тем самым затопляя словенцев современной американской поп-культурой. Идея состоит в том, что правящая коалиция способствует распространению популярной культуры, тупых телевизионных развлечений, бессмысленного потребления и т. д., чтобы превратить словенцев в легкоуправляемую толпу, неспособную к серьезной рефлексии и твердой моральной позиции... Короче говоря, основная мысль заключается в том, что за правящей коалицией стоит «либерально-коммунистический заговор»: безжалостное и необузданное погружение в глобальный капитализм воспринимается как самый последний подлый заговор бывших коммунистов, позволяющий им сохранить свое тайное влияние на власть.

Прочти трагическое недоразумение заключается в том, что националисты, с одной стороны, безоговорочно поддерживают НАТО (во главе с США), упрекая правящую коалицию в тайной поддержке антиглобалистов и антиамериканских пацифистов, в то время как, с другой стороны, они обеспокоены судьбой словенской идентичности в процессе глобализации, заявляя, что правящая коалиция хочет бросить Словению в глобальный водоворот, не заботясь о словенской национальной идентичности. По иронии судьбы, возникающий новый социально-идеологический порядок, на который сетуют эти националистические консерваторы, истолковывается в духе старого доброго описания «репрессивной толерантности» у новых левых и капиталистической свободы как способа сокрытия несвободы. Наиболее показателен здесь пример Италии с Берлускони в кресле премьер-министра: преданнейший сторонник США и агент телеидиотизации, который превращает политику в телешоу и заправляет крупнейшей рекламной и телекомпанией.

Какую же позицию следует занять нам в отношении этих доводов за и против? Абстрактный пацифизм глуп интеллектуально и уродлив морально — все должны выступить против угрозы. Конечно, падение Саддама вызвало бы облегчение у большинства иракского народа. Кроме того, воинствующий ислам — это, безусловно, ужасающая антифеминистская и т. д. идеология. Безусловно, что-то лицемерное присутствует во всех этих доводах против: восстание должны осуществить сами иракцы; мы не должны навязывать им наши ценности; война — это не решение и т. д. *Но*, хотя все это так, а нападение — это зло, именно *тот, кто его осуществляет*, делает его таким. Упрек: *кто ты такой, чтобы делать это?* Дело не в войне или мире, дело в неизбыточном интуитивном ощущении, что с *этой* войной что-то не так, что с началом ее что-то необратимо изменится.

Одно из скандальных утверждений Жака Лакана заключается в том, что, даже если то, что ревнивый муж говорит о своей жене (что она спит с первым встречным), это правда, то его ревность не становится от этого менее патологической; точно так же можно было бы сказать, что, даже если большинство нацистских утверждений относительно евреев было правдой (они эксплуатируют немцев, они соблазняют немецких девушек...), их антисемитизм по-прежнему оставался бы (и был) патологическим — потому что так вытесняется истинная причина того, что нацисты *нуждаются* в антисемитизме для сохранения собственной идеологической позиции. И то же самое следует сказать сегодня в отношении американского заявления о том, что «у Саддама есть оружие массового поражения!» — даже если это утверждение истинно (и в какой-то степени оно, возможно, таковым и является), оно по-прежнему остается ложным в том, что касается той позиции, с которой оно произносится.

Все боятся катастрофических последствий от нападения США на Ирак: крупномасштабной экологической катастрофы, высоких потерь среди американцев, террористических атак на Западе... Так мы уже принимаем американскую точку зрения — и легко представить себе, что, если война вскоре окончится, став своего рода копией войны в заливе 1990 года, если режим Саддама вскоре развалится, у многих нынешних критиков политики США вырвется всеобщий вздох облегчения. Возникает даже соблазн рассмотреть гипотезу о том, что США нарочно провоцируют этот страх перед надвигающейся катастрофой в расчете на всеобщее чувство облегчения, когда катастрофа *не* произойдет... Однако в этом, быть может, и заключается самая главная подлинная опасность. То есть нужно набраться смелости и заявить об обратном: возможно, в военном отношении скверный поворот для США был бы лучшим, что могло бы произойти, отрезвляющие плохие новости, которые вынудили бы всех участников пересмотреть свои позиции.

11 сентября (9/11) 2001 года был нанесен удар по башням-близнецам; двенадцатью годами ранее, 9 ноября (11/9) 1989 года пала Берлинская стена. 9 ноября возвестило о «счастливых девяностых», мечте Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории», вере в то, что либеральная демократия в принципе одержала победу, что поиски окончились, что вот-вот возникнет глобальное либеральное мировое сообщество, что препятствия на пути к этому сверхогอลลивудскому счастливому концу эмпирически и случайны, что сопротивление локально и присутствует только в тех местах, где лидеры еще не успели осознать, что их время прошло; в отличие от него, 11 сентября — это главный символ окончания клинтоновских счастливых 1990-х, грядущей эпохи возникновения новых стен — между Израилем и западным берегом, вокруг Европейского союза, на границе США и Мексики. Вырисовывается перспектива нового глобального кризиса: экономический коллапс, военные и иные катастрофы, чрезвычайные положения...

В первые дни войны вновь проявилось непристойное наложение военных и гуманитарных аспектов: слушая Блэра и некоторых других политических деятелей можно было подумать, что силы союзников бомбят и оккупируют Ирак, чтобы получить возможность заниматься там распределением гуманитарной помощи. А когда политические деятели начинают открыто

оправдывать свои решения с позиций морали, можно быть уверенным, что к морали прибегают для того, чтобы скрыть столь мрачные и угрожающие перспективы. Само разрастание абстрактной моральной риторики в недавних публичных заявлениях Джорджа Буша (в духе — «Достаточно ли у мира мужества, чтобы выступить против Зла?»), демонстрирующее крайнюю *моральную* нищету позиции США — задача обращения к морали здесь вполне очевидна, она просто служит сокрытию подлинных политических ставок, которые не так уж и сложно понять. В своей недавней «Войне за Ирак» Уильям Кристал и Лоренс Ф. Каплан писали: «Миссия начинается в Багдаде, но им не заканчивается. /.../ Мы стоим на рубеже новой исторической эпохи. /.../ Этот момент имеет решающее значение. /.../ Очевидно, что речь идет не просто об Ираке. Речь идет даже не о будущем Ближнего Востока и войны с террором. Речь идет о той роли, которую Соединенные Штаты намерены играть в двадцать первом веке». С этим нельзя не согласиться: на кону сейчас действительно стоит будущее международного сообщества — новые правила, в соответствии с которыми будет устроен новый мировой порядок. Происходящее сейчас — это еще один логический шаг Соединенных Штатов на пути к непризнанию суда в Гааге.

Первый постоянный мировой суд по военным преступлениям заработал в Гааге 1 июля 2002 года, начав заниматься геноцидом, преступлениями против человечности и военными преступлениями. Всякий — от главы государства до обычного гражданина — может подвергнуться судебному преследованию за нарушения прав человека, включая систематические убийства, пытки, насилие и сексуальное рабство, или, как выразился Кофи Аннан: «Нужно признать, что все мы — члены одной человеческой семьи. Мы должны создать новые институты. Это один из них. Он является еще одним шагом вперед в постепенном продвижении человечества к цивилизации». Однако хотя сторонники прав человек назвали создание суда величайшей вехой в международном правосудии после того, как международным военным трибуналом в Нюрнберге после второй мировой войны было осуждено нацистское руководство, суд сталкивается с жесткой оппозицией со стороны Соединенных Штатов, России и Китая. Соединенные Штаты говорят, что суд может посягнуть на национальный суверенитет и привести к преследованию по политическим мотивам их должностных лиц или солдат, работающих за границей, а Конгресс США даже рассмотрел законопроект, разрешающий американским войскам вторгнуться в Гаагу, если суд будет рассматривать дело граждан США. Этот парадокс заслуживает особого внимания: США, таким образом, отвергли юрисдикцию трибунала, который был основан при полной поддержке (и голосами) самих США! Почему же Милошевич, который сейчас сидит в Гааге, не в праве заявлять, что, поскольку США не признают законность международной юрисдикции гаагского трибунала, те же доводы следует использовать и в отношении его самого? И то же касается Хорватии: США теперь оказывают серьезное давление на правительство Хорватии, чтобы оно выдало суду в Гааге двоих своих генералов, обвиняемых в военных преступлениях во время столкновений в Боснии. Ответная реакция не заставила себя долго ждать: как США могут говорить об этом, когда *они* не признают законность суда в Гааге? Или граждане США действительно «равнее других»?

Если же просто расширить основополагающие принципы доктрины Буша, то разве Индия не может с полным правом напасть на Пакистан? Ведь он открыто поддерживает и подпитывает антииндийский террор в Кашмире и имеет (ядерное) оружие массового поражения. Не говоря уже о праве Китая напасть на Тайвань и т. д. с непредсказуемыми последствиями...

И та же логика исключения применяется и к экономическим отношениям. 21 декабря 2002 года *BBC* сообщила, что «США приостанавливает действие соглашения о дешевых лекарствах»: «Соединенные Штаты приостановили действие международного соглашения, позволявшего бедным странам покупать дешевые лекарства. Это означает, что миллионы бедняков так и не смогут получить лекарства от таких болезней, как ВИЧ/СПИД, малярия и туберкулез. “Мы надеялись единодушно выступить со ста сорока тремя странами, придерживающимися тех же позиций”. Принцип разрешения развивающимся странам приобретать дешевые варианты лекарств, все еще охраняемых авторским правом, был достигнут в ходе переговоров в ВТО год назад». Основная ирония здесь в том, что во время паники по поводу сибирской язвы после 11 сентября США оказали сильнейшее давление на немецкую компанию «Байер», когда она не понизила свою цену на таблетки от сибирской язвы.

Сознаем ли мы, что мы находимся в самом центре «тихой революции», в ходе которой меняются неписанные правила, определяющие самую элементарную международную логику? США ругают Герхарда Шредера, демократически избранного лидера, за то, что он придерживается позиции, одобряемой большинством населения плюс, согласно опросам середины февраля, примерно 59% населения самих США (которые выступают против удара по Ираку без поддержки ООН). В Турции, согласно опросам, 94% населения выступают против предоставления ее территории войскам США для войны в Ираке — и где здесь демократия? Любой левак со стажем вспомнит ответ Маркса — из «Манифеста Коммунистической партии» — критикам, упрекавшим коммунистов в том, что их целью является разрушение семьи, собственности и т. д.: сам капиталистический порядок в своем экономическом развитии уничтожает традиционный семейный порядок (кстати, этот факт куда более подходит к сегодняшнему дню, чем ко временам Маркса), а также лишает собственности большинство населения. И разве точно так же те, кто сегодня выдают себя за защитников демократии во всем мире, на самом деле не подрывают ее? В совершенно извращенной риторической манере, когда лидеры, выступающие за войну, сталкиваются с тем неприятным фактом, что их политика не одобряется большинством населения, они прибегают к избитой мудрости, что «настоящий руководитель ведет, а не следует» — и это говорят лидеры, которые в иных обстоятельствах прямо-таки одержимы опросами...

Это постепенное ограничение демократии отчетливо видно в попытках «пересмотреть» наличную ситуацию — все, разумеется, за демократию и права человека, но нужно их «пересмотреть», и ряд недавних выступлений в ходе общественных дебатов четко указывает на направление этого «пересмотра». В «Будущем свободы»¹ Фарид Закария, колумнист, пользующийся по-

¹ Fareed Zakaria, *The Future of Freedom*, New York: Norton 2003.

кровительством Буша, видит угрозу свободе в «утрированной демократии», то есть в возникновении «некультурных демократий у себя и за границей» (подзаголовок книги). Он извлекает урок, что демократию можно «уловить» только в экономически развитых странах: если развивающиеся страны «демократизируются преждевременно», итогом становится популизм, который завершается экономической катастрофой и политическим деспотизмом — неудивительно, что наиболее успешные в экономическом отношении страны третьего мира (Тайвань, Южная Корея, Чили) обрели полноценную демократию только после периода авторитарного правления. Следующие уроки для Ирака ясны и понятны: да, США должны принести демократию в Ирак, но не устанавливать ее сразу — сначала необходим пятилетний, или около того, период, во время которого благожелательно-авторитарные Соединенные Штаты создадут соответствующие условия для эффективного функционирования демократии... Теперь мы знаем, что значит обеспечение демократии: это значит, что США и их «добровольные партнеры» навязывают себя в качестве высших судей, которые решают, созрела ли страна для демократии — следуя этой логике, Рамсфельд уже заявил в апреле 2003 года, что Иран должен стать не «теократией», а терпимой светской страной, в которой все религии и этнические группы будут наслаждаться равными правами — здесь возникает соблазн добавить: «Как насчет того, чтобы потребовать того же самого и от Израиля?»... Следующий парадокс аргументации Закарии заключается в том, что есть один случай, который должен послужить образцовым примером — случай Китая. Разве оппозиция между Китаем и поздним СССР не является точным соответствием оппозиции между авторитарным режимом, предназначенным для создания условий для капиталистического развития, и слишком быстрым переходом к демократии, который терпит неудачу? Так не следует ли Закарии поддержать печально известное подавление выступления студентов на площади Тяньаньмэнь?

Что касается самих США, то Закария ставит следующий диагноз: «Америка все более охватывается тупым популизмом, который считает популярность и открытость основными критериями легитимности. /.../ Итог — глубокая разбалансированность американской системы, больше демократии, но меньше свободы». Выход, таким образом, заключается в нейтрализации этой неумеренной «демократизации демократии» (или «чрезмерной демократии» [*«deMOREcracy»*]), путем передачи больших полномочий непредвзятым экспертам, стоящим в стороне от демократической перепалки, подобно независимым центральным банкам. Такой диагноз не может не вызвать иронической усмешки: сегодня, при так называемой «сверхдемократизации», США и Великобритания начали войну в Ираке вопреки воле большинства своего собственного населения, не говоря уже о международном сообществе. И разве мы не видим, что ключевые решения в области мировой экономики (торговые соглашения и т. д.) всегда принимаются «непредвзятыми» органами, свободными от демократического контроля? Разве идея о том, что в нашу постидеологическую эпоху экономика должна деполитизироваться и управляться экспертами, не является общим местом, разделяемым всеми участниками? Можно копнуть еще глубже: разве не смешно жаловаться на «сверхдемократизацию» в то время, когда ключевые экономичес-

кие и геополитические решения, как правило, не являются проблемой, решаемой при помощи выборов: то, чего требует Закария, уже по меньшей мере на протяжении тридцати лет является свершившимся фактом. В действительности мы наблюдаем сегодня раскол по идеологическим проблемам образа жизни — там ведутся жаркие дебаты и обсуждаются альтернативы (аборты, однополые браки и т. д.), а основная экономическая политика предстает в виде деполитизированной области экспертных решений — распространение «сверхдемократии» с «крайностями» или позитивными действиями, «культурой недовольства» и требованиями финансовых и иных компенсаций жертвам, в конечном итоге, представляет собой фасад, за которым спокойно плетется паутина экономической логики.

То же стремление нейтрализовать «крайности» «чрезмерной демократии» дополняется открытым непризнанием любой международной организации, которая действительно была бы способна контролировать ведение войны. В этом плане показательна статья Кеннета Андерсона «Кто признает правила ведения войны?»², подзаголовок которой лишает проблему какой-либо двусмысленности: «война в Ираке требует пересмотра международных правил ведения войны. В результате возможно сокращение влияния нейтральных, исполненных благими намерениями групп по правам человека и усилением государств, имеющих в своем распоряжении “большую дубину”. Что было бы совсем неплохо». Основное недовольство автора эссе вызвано тем, что «в течение последних двадцати лет центр гравитации в установлении, истолковании и определении законов и обычаев войны постепенно смещался от военных ведущих стран к более активным организациям по правам человека»; эта тенденция воспринимается как несбалансированная, «несправедливая» по отношению к крупным военным державам, которые осуществляют интервенции в другие страны, и отчасти по отношению к странам, которые подвергаются нападениям — с очевидным выводом о том, что военные «государств, имеющих в своем распоряжении большую дубину», сами должны определять критерии, по которым будут оцениваться их действия. Этот вывод вполне согласуется с непризнанием Соединенными Штатами полномочий Гаагского суда по военным преступлениям судить их граждан. В действительности, как было бы сказано во «Властелине колец» или каком-то подобном неоготическом эпосе, новый Век Тьмы опускается на род человеческий.

Нынешний кризис, таким образом, заставляет нас пересмотреть саму демократию как сегодняшнее господствующее означающее. «Демократия» — это не просто «власть народа, осуществляемая народом и для народа», мало просто сказать, что при демократии воля и интересы (они никоим образом автоматически не совпадают) подавляющего большинства определяют решения государства. Демократия — в том, как этот термин используется сегодня — это в первую очередь формальная приверженность букве закона: ее минимальное определение — безусловное соблюдение определенного набора формальных правил, гарантирующее, что антагонизмы будут полностью поглощены агонистической игрой. «Демократия» означает,

² Kenneth Anderson, «Who Owns the Rules of War?», *The New York Times Magazine*, April 13 2003, p. 38–43.

что — были или нет подтасовки в ходе выборов — каждый участник политического процесса безоговорочно признает их результаты. В этом смысле президентские выборы 2000 года в США действительно были «демократическими»: несмотря на явные подтасовки в ходе выборов и очевидную бессмысленность того, что пара сотен голосов из Флориды решит, кто станет президентом, кандидат от демократов признал свое поражение. Во время нескольких недель неопределенности после проведения выборов Билл Клинтон дал подходящий язвительный комментарий: «Американский народ высказался; мы только не знаем, что он сказал». К этому комментарию следует отнестись серьезнее, чем предполагалось изначально: даже сейчас мы этого не знаем — и вполне возможно потому, что за результатами голосования вообще не было никакого значимого «послания». Именно в этом смысле следует рассматривать проблематичность демократии: почему левые должны всегда и безоговорочно почтительно относиться к формальным демократическим «правилам игры»? Почему нельзя, по крайней мере, при определенных обстоятельствах поставить под сомнение законность результата формальной демократической процедуры? Любопытно, что существует по крайней мере один случай, когда сами сторонники формальной демократии (или, по крайней мере, значительная их часть) разрешили бы приостановить демократию: что если на формально свободных выборах победила бы антидемократическая партия, политическая платформа которой предвещает отмену формальной демократии? (Это имело место, среди прочего, пару лет назад в Алжире). В таком случае многие демократы признали бы, что народ еще недостаточно «созрел» для того, чтобы дать ему демократию, и что предпочтителен некоторый просвещенный деспотизм, цель которого заключается в превращении большинства в демократов. Важнейшей составляющей любого популизма является также отрицание формальной демократической процедуры: даже если эти правила по-прежнему соблюдаются, всегда ясно, что они не наделяют решающей легитимностью участников политического процесса — популизм обращается к прямой патетической связи между харизматическим лидером и толпой, подтверждаемой плебисцитами и массовыми митингами.

Подлинными опасностями нынешней американо-иракской войны долгосрочны. В чем состоит, быть может, самая главная опасность перспективы американской оккупации Ирака? Нынешний режим в Ираке по большому счету является светским и националистическим, он далек от мусульманского фундаменталистского популизма — очевидно же, что Саддам лишь поверхностно заигрывает с панарабистскими мусульманскими настроениями. Как показывает его прошлое, он — прагматический правитель, борющийся за власть и меняющий союзников, когда того требуют его цели — сначала против Ирана, чтобы захватить его нефтяные месторождения, затем против Кувейта по той же самой причине, настроив против себя панарабскую коалицию в союзе с США — так что Саддам не фундаменталист, одержимый «большим Шайтаном», готовый взорвать весь мир, лишь бы достать его. Однако, что точно станет результатом американской оккупации, так это фундаменталистское мусульманское антиамериканское движение, тесно связанное с подобными движениями в других арабских странах или странах со значительным

присутствием мусульман. Основным политико-идеологическим итогом американской войны 2003 года в Ираке вполне может стать возведение Саддама, этого презренного жестокого тирана, который привел свою страну к разорению, в ранг легенды третьего мира и мусульман, героя сопротивления превосходящей армии США.

Можно предположить, что США прекрасно осознают, что эпоха Саддама и его нефундаменталистского режима в Ираке подходит к концу и что нападение на Ирак, скорее всего, задумано как более радикальный упреждающий удар — не по Саддаму, а по основному сопернику политического преемника Саддама, действительно фундаменталистскому исламскому режиму. И, таким образом, порочный круг американской интервенции становится лишь еще сложнее: опасность состоит в том, что сама американская интервенция способствует возникновению лишь еще большего числа угроз Америке, широкого объединенного антиамериканского мусульманского фронта. Это первый случай открытой американской оккупации крупной и важной арабской страны — как же это может не вызвать в ответ всеобщую ненависть? Уже можно представить тысячи юношей, мечтающих стать бомбистами-самоубийцами, и как это вынудит американское правительство установить постоянный высокий уровень угрозы безопасности... Здесь, однако, нельзя не поддасться слегка параноическому искушению: что, если окружение Буша *знает* об этом, что, если эти «сопутствующие потери» как раз и являются истинной целью всей операции? Что, если *истинной* мишенью в «войне с террором» является само американское общество, то есть сокращение излишней свободы в нем?

5 марта 2003 года в информационной программе «*Buchanan & Press*» на *NBC* показали фотографии плененного недавно Халида Шейха Мухаммеда, «третьего человека в Аль-Каиде» — жалкое лицо человека с усами в непонятной, наполовину расстегнутой тюремной ночной сорочке, из под которой было видно что-то вроде ушибов (намек на то, что его уже пытали?), — а Пэт Бьюкенен легкомысленно спрашивал: «Следует ли этого человека, который знает все имена, все подробные планы будущих террористических атак на США, подвергать пыткам, чтобы получить от него все это?» Весь ужас заключался в том, что фотография, со всеми ее подробностями, уже давала ответ — неудивительно, что другие комментаторы и опрос зрителей в большинстве своем сказали «Да!», — который навевает воспоминания о старых добрых деньках колониальной войны в Алжире, когда пытки, применявшиеся французской армией, были грязной тайной... И действительно, не напоминает ли все это то, что Оруэлл представлял себе в «1984», «двухминутки ненависти», во время которых гражданам показывали фотографии предателей и подозреваемых, чтобы те освистали их. У истории есть продолжение: днем позже, во время телешоу на канале *Fox* комментатор заявил, что с этим заключенным можно делать все, что угодно, — не только лишать его сна, но и ломать ему пальцы и т. д. и т. п., потому что он — «ошметок человеческих отбросов, лишенный всяких прав». В *этом* и заключается подлинная катастрофа: в том, что такие публичные заявления сегодня возможны.

Нам нужно быть предельно внимательными, чтобы не воевать с ветряными мельницами: споры о том, насколько плох Саддам, и даже о том, какой бу-

дет цена войны, и т. д. — это не те споры. Сосредоточиться следует на том, что на самом деле происходит в наших обществах, на том, что за общество возникает *здесь* в результате «войны с террором». Вместо обсуждения скрытой конспирологической программы нужно переключить внимание на происходящее, на то, что за перемены происходят здесь и сейчас. Конечным итогом войны будет изменение *нашего* политического порядка.

Подлинную опасность лучше всего можно проиллюстрировать действительной ролью популистских правых в Европе: выносить на повестку дня определенные проблемы (иностранный угроза, необходимость ограничения иммиграции и т. д.), которые затем втихую заимствуются не только консервативными партиями, но даже *de facto* политикой «социалистических» правительств. Сегодня необходимость «регламентирования» статуса иммигрантов и т. д. является составной частью основного консенсуса: история продолжается — Ле Пен обращается к реальным проблемам, беспокоящим людей, и эксплуатирует их. Возникает даже соблазн сказать, что если бы во Франции не было Ле Пена, его следовало бы придумать: он — идеальная фигура, которую любят ненавидеть, ненависть к которой гарантирует всеобщий либеральный «демократический пакт», умилительную идентификацию с демократическими ценностями терпимости и уважения различий. Но после криков «Ужасно! Какое мракобесие и варварство! Абсолютно недопустимо! Угроза нашим основополагающим демократическим ценностям!» разгневанные либералы продолжают поступать как «Ле Пен с человеческим лицом», делать то же самое в «более цивилизованной» манере, следуя логике: «Но ведь расистские популисты манипулируют разумными заботами обычных людей, поэтому мы должны принимать определенные меры!»...

Мы сталкиваемся здесь со своеобразным извращенным гегельянским «отрицанием отрицания»: при первом отрицании популистские правые нарушают стерильный либеральный консенсус, озвучивая мысли страстных инакомыслящих, открыто выступая против «иностранный угрозы»; при втором отрицании «порядочный» демократический центр, трогательно отталкивая этих правых популистов, присваивает себе их послание в более «цивилизованной» манере — в ходе этого *все поле* «неписаных правил» уже изменяется настолько, что никто даже не замечает этого, а все с облегчением вздыхают, что угроза демократии снята. И подлинная опасность заключается в том, что нечто похожее имеет место в «войне с террором»: «экстремисты», вроде Джона Эшкрофта, будут отодвинуты в сторону, но их наследство останется, незаметно вплетенное в невидимую этическую ткань наших обществ. Их поражение станет их окончательным триумфом: они больше не будут нужны, потому что их послание волеется в основной поток.

Спустя дни и недели после «триумфального» завершения войны движение за мир почти исчезло, а западноевропейские государства, выступавшие против войны, без малейшего чувства стыда стали делать примирительные жесты в сторону США — Шредер даже публично извинился за свои антиамериканские заявления. Это ощущение неловкости у противников войны — печальный признак их глубокой дезориентации: именно *теперь* им следует

встревожиться по-настоящему. Признать, что «все же все окончилось хорошо», что режим Саддама пал без серьезных жертв и без ожидавшихся масштабных катастроф (поджог нефтяных скважин, использование оружия массового поражения), — значит поддаться опаснейшей иллюзии: такова расплата за выступления против войны по ошибочным основаниям.

* * *

Один из популярных героев американо-иракской войны — горемычный министр информации Ирака, который на своих ежедневных пресс-конференциях героически отрицал даже самые очевидные факты и придерживался иракской линии — когда американские танки были всего в нескольких сотнях метров от его министерства, он продолжал утверждать, что все кадры американских телеканалов с танками на улицах Багдада — это всего лишь голливудские спецэффекты. В самой своей чрезвычайно карикатурной деятельности он тем самым раскрывал скрытую истину «нормальных» репортажей: он не юлил в своих комментариях, а лишь давал опровержение. Было что-то освежающе избавительное в его выступлениях, которые обнаруживали стремление вырваться из-под власти фактов и, следовательно, избежать неприятных моментов, и к тому же иногда он изрекал удивительные истины — скажем, столкнувшись с заявлениями о том, что американцы контролируют отдельные районы Багдада, он резко ответил: «Ничего они не контролируют. Они самих себя не контролируют!»

Перев. с англ. Артема Смирнова

Печатается с разрешения автора